

МОРЕВ В. П. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

МОРЕВ Владимир Петрович, родился в 1893 году в Ярославле. В 1914 — окончил Ярославскую духовную семинарию, служил учителем в земской школе в Пошехонском с конца 1915 — псаломщиком в церкви Пошехон, с апреля 1916 — делопроизводителем в канцелярию земского начальника, с июля — в Пошехонском обществе потребителей. С 1920 — бухгалтер в профсоюзных организациях, с 1929 — главный бухгалтер Пошехонского Промкомбината. 5 июня 1932 — арестован, 7 сентября приговорен к 3 годам ссылки и отправлен в Вельский район Архангельской области. Работал на строительстве железной дороги, вскоре переведен на работу счетоводом в конторе на Дистанции.

В феврале 1934 — обратился за помощью к Е. П. Пешковой.

<22 февраля 1934>

«Москва. Кузнецкий мост № 24

Помощь политзаключенным
Е. П. Пешковой

5 июня 1932 г<ода> я был лишен свободы органами ОГПУ и 13-го того же месяца мне было предъявлено обвинение по статье 58 пункта 10 УК за контрреволюционную агитацию, а 7-ого сентября 1932 г<ода> состоялось постановление ПП ОГПУ Ивановской области о высылке меня администр<ативным> порядком в Северный край на 3 года, считая срок с 5/VI-1932 г<ода>.

Предъявленное мне обвинение в основном по существу заключалось в следующем:

1) Мне инкриминировалось, что я в работе проводил вредительский лозунг "чем хуже, тем лучше", но это обвинение не было доказано никакими конкретными фактами и не могло быть доказано, так как я везде и всегда в работе имел установку делать все как можно лучше. Об этом говорит то обстоятельство, что во всех учреждениях и предприятиях, где мне приходилось работать, я оставлял дело в самом налаженном состоянии, мне доверяли партийные и советские организации и учреждения и судебно-следственные органы производство бухгалтерских и экономических экспертиз, проверок, ревизий, и не бывало случая, чтобы я не оправдал оказанного мне доверия. Этот пункт обвинения я считал самым тяжелым для себя в моральном отношении, но он, очевидно, был с меня снят, ибо он был совершенно ничем не обоснован.

2) Следующий пункт обвинения говорил о том, что я оскорбительно отношусь к директивам местных органов власти и в качестве доказательства приводился такой "факт": о присланной выписке из постановления РИКа о лесозаготовках я, будто бы, отозвался так, что эти постановления годятся в уборную, и фраза эта, будто бы, была мною сопровождена соответствующим жестом. Но и в этом я не был виновен, ибо этот поступок был совершен в состоянии нервного раздражения моим товарищем по работе (и по высылке) — Каменевым; я не знаю, признался ли он в этом во время следствия, но здесь — на месте высылки — он этого факта за собой не отрицал. Кроме того, рассуждая логически, получается странность: все время я с должным вниманием и уважением относился к выполнению директив местных органов власти — и до этой бумажки и после нее — у меня не было никаких причин изменять свои взгляды, и, вдруг, ни с чего — неуважение к директивам

местной власти! В этом обвинении не было никакой логической последовательности и увязки в обращении его на меня.

3) Далее — меня обвинили в агитации против займа "Пятилетка в 4 года" и иллюстрировали обвинение следующим фактом, действительно, имевшим место с моей стороны: на общезаводском собрании рабочих Комбината (где я работал главным бухгалтером), когда обсуждали вопрос о коллективной подписке на заем и об установке на месячную зарплату, — один из рабочих заявил, что он не будет подписываться, что заработок мал, и добавил, что заем — дело добровольное, и никто его не заставит; председатель собрания указал, что "раз все подписываются, то и тебе нельзя отказаться", но толком ему ничего не разъяснили, и этот рабочий продолжал шуметь в том же духе; я взял слово и сделал короткое пояснение о том, что подписка — дело, действительно, добровольное, но тут же указал и мотивы, по которым каждый гражданин СССР должен подписаться на заем. После этого шум кончился, и подписка была принята согласно. Если бы я выступил действительно против займа, то вопрос был бы поставлен не только на том же собрании, но и особо — в Завкоме и в Ячейке, да и в районной газете были бы надлежащие отклики. Но ничего такого не было. И, кроме того, заем был размещен очень успешно на Комбинате, оплачен во время, а впоследствии прошла хорошо и дополнительная подписка; если бы я был настроен против займа, то дело, вероятно, было бы не так гладко, ибо я был по должности и фактически — финансовый руководитель предприятия, и имел соответствующий авторитет.

4) Еще мне предъявили обвинение в агитации против льноуборочной кампании и приводили такой факт, тоже, действительно, имевший место: когда Завком объявил об обязательном выходе рабочих и служащих Комбината в день отдыха на теребление льна, то одна из сотрудниц конторы начала возмущаться, говоря, что она не пойдет. Я был занят серьезной работой по контрольным цифрам и одернул ее, указав ей, что "повторяться не стоит, сказали раз — и довольно, все понятно". И это истолковали, как агитация с моей стороны. Между прочим — сам я не ходил на лен, ибо по поручению и распоряжению Дирекции и Райплана в это время в срочном порядке разрабатывал годовые контрольные цифры по Комбинату на 1932 год и работал насквозь и в дни отдыха (да и вообще у меня фактически не бывало выходных дней). В изложенном факте, даже если его рассматривать тенденциозно, — все же нет элементов контрре-волюционного характера.

5) Наконец, меня обвинили в том, что я, зная об антисоветских настроениях некоторых из сотрудников конторы Комбината (в частности, про Каменева), не поставил перед Дирекцией вопроса о снятии их с работы и, таким образом, будто бы, вступил с ними в "блок". Но дело в том, что об этих настроениях еще лучше меня знал Завком, знали Дирекция и Ячейка, знали и рабочие, и, если они находили, что "все в порядке", то и я не заявлял, а, если бы стал заявлять, то никто не стал бы работать со мной, так как во всех учреждениях и предприятиях имеется масса людей, настроенных нелояльно, и продолжают работать, и их держат, и никто за это не страдает, так почему же должен за это страдать я? Что же касается какого-то "блока" с Каменевым, то об этом и речи не могло быть, ибо мы люди совсем различных убеждений, и его "упадочнических" и "примиренческих" взглядов я разделять не мог уже и тогда. Между прочим, следователь, т<оварищ> Горюнов, хорошо осведомленный о моих политических убеждениях, производя следствие, относился к этому обвинению скептически. И в настоящее время, вернее

в недавнее время, встречаясь с Каменевым уже здесь, в месте высылки, я слышал от него насмешливые рассуждения: "ну, я хоть за дело страдаю, а ты-то за что? Видно, просто по пути, за компанию".

б) Последний пункт обвинения сводился к тому, что я, как главн<ый> бухгалтер, заставлял сотрудников конторы Комбината производить удержание с рабочих за прозодежду и прочее — форсированным темпом, что вызывало недовольство со стороны рабочих; но, во-первых — Дирекция распустила прозодежду в кредит очень много, так что и сама потом струсила, а, между тем, текучесть раб<очей> силы увеличивалась, рабочие уходили, уносили прозодежду и спецодежду, ничего не уплачивая за нее, дела передавались в суд, но это не устраивало интересов предприятия; а во-вторых — когда я доложил Дирекции о размерах долга рабочих за прозодежду и просил распоряжений о размерах удержаний, — мне была дана установка: "удерживать больше, лишь бы скорее погасить долг". Эту директиву я и проводил в жизнь, иногда делая отступление в пользу рабочих. Когда приходили ко мне рабочие с жалобами (Спиридонов и др<угие>), я их направлял для объяснений к Директору. Поэтому и обвинение по данному вопросу предъявлено ко мне неосновательно.

Восьмого октября 1932 г<ода> я бы выслан общим этапом из Пошехоно-Володарского Домзака, прошел всевозможные "неудобства" подобных путешествий и доехал до г<орода> Архангельска, откуда 13 ноября 1932 г<ода> был направлен на строительство жел<езной> дор<оги> ветки Коноша-Вельск, на станцию Усть-Шенаша Вельского района. Здесь меня поставили на тяжелую работу по укладке фашин и лаг — под шпалы и рельсы; проработав 1 день, я буквально свалился от изнеможения и сразу же был переведен на балластировку пути; работал старательно, но после 10 дней работы — наличность у меня грыжи — заставили меня обратиться к врачу, который запретил мне тяжелую работу, после чего мне дали работу в конторе Дистанции, где я и в настоящее время работаю счетоводом материальной части. Вот уже второй год лишен свободы (ибо высылка есть то же лишение свободы), и за это время я многое продумал, анализируя свои общественно-политические убеждения, отношения к работе, к людям, свою семейную жизнь и свое социальное происхождение, и в результате — чувствую растерянность перед вопросом о том, как же надо будет жить дальше? При всем усилии я не мог усмотреть в своей работе в прошлом что-то преступное вообще; мои убеждения и отношение к людям тоже не имели и не имеют чего-либо, запрещенного законом или недозволенного с точки зрения общественной и житейской морали; моя семейная жизнь, складывавшаяся иногда не совсем благоприятно, все же не причиняла вреда никому, а между тем, в настоящее время, когда я нахожусь в ссылке, вдали от семьи, когда и на моей семье сильно отражается мое положение "отверженного", — приходится страдать физически и морально не только мне, а еще, может быть, больше, сильнее и глубже — и моей семье. Вообще же, с точки зрения приведенных выше обвинений (как они мне были предъявлены) и моих оправдательных доводов к ним, — я никак и ни в какой мере и степени не могу считать себя виновным вообще, а тем более по статье 58-10 УК. Единственно, что я полагаю, могло повлиять на исход постановления ПП ОГПУ о высылке меня в Сев<ерный> край, это мое социальное происхождение.

Моя автобиография в кратких чертах такова: родился я в 1893 году в г<ороде> Ярославле. Отей мой был дьякон (служитель культа). Кроме начального образования, я учился в Ярославской Духовной Семинарии, окончив там курс в 1914 году. Мои родители умерли оба в 1909 году.

После окончания Семинарии — в 1914-15 году я работал учителем в Земской школе Пошехонского уезда б<ывшей> Ярославской губ<ернии> — 1 год, — на военную службу не был принят по болезни; в 1915 г<оду> (конец) и в 1916 г<оду> (начало) — служил несколько месяцев псаломщиком в гор<оде> Пошехоны, а затем, оставив эту должность, поступил делопроизводителем в канцелярию Земского начальника и месяца через 3 перешел на работу в Пошехонское Общество Потребителей. Это было летом 1916 года, и с этого времени я без перерывов работал на счетной работе в разных учреждениях вплоть до своего ареста. В июне 1917 года я вступил в члены Профсоюза и до 1932 года выполнял в проф<союзных> органах самые разнообразные работы, большей частью на выборных должностях. В 1918 году я женился и в настоящее время — моя жена и дочь 11 лет — живут в г<ороде> Пошехоны-Володарск Ивановской области, где имеется свой небольшой домик, жена служит счетоводом в МТС, дочка учится, имущества — кроме этого дома, построенного на трудовые сбережения семьи, — никакого нет и не было; иных заработков, кроме работы по найму, у меня и у жены нет и никогда не было. С 1929 года — по постановлению Пошехоно-Володарского РИКа (от 24 мая) я был назначен гл<авным> бухгалтером в Пошехоно-Володарский Пром<ышленном> Комбинат, где и работал до момента моего ареста. Приняв во внимание эти мои автобиографические сведения, — только в них, полагаю, и можно найти причину постановления о высылке. Но: 1) я ведь не виноват же в своем происхождении, 2) я был псаломщиком только несколько месяцев, так как надо же было как-либо добывать средства к существованию.

Ко всему вышеуказанному, я прошу Вас оказать мне зависящее от Вас содействие хотя бы советом, куда и как я могу обратиться с ходатайством о пересмотре моего дела, а, если будет возможно, то убедительно прошу Вас оказать мне помощь и делом, добиваясь пересмотра моего дела, ибо, как показывают примеры из жизни нас, ссыльных, наши личные просьбы и ходатайства в надлежащие учреждения очень редко достигают какой-либо цели, в большинстве же — они не получают даже и ответа.

Мой адрес: почт<овое> отделение "Усть-Шеноша", Вельского района, Северн<ого> края. Контора II Дистанции.

Владимиру Петровичу Мореву.

22/II-1934 г<ода>»¹.

¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1131. С. 199-202. Автограф.